

Магон Патрис

Генерал Драгомиров

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М12

М12 **Магон Патрис**
Генерал Драгомиров / Магон Патрис – М.: Книга по Требованию, 2022. –
68 с.

ISBN 978-5-519-94600-1

ISBN 978-5-519-94600-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

и знаній. Поза героя ему не свойственна; онъ больше любитъ себя въ человѣческомъ обликѣ; самосознаніе его достаточно сильно, чтобы опираться на самого себя и въ себѣ находить источникъ авторитета; богато одаренный умъ и изощренная мысль лежатъ въ основѣ этого цѣльнаго характера. Это великая душа, парочито закаленная, чтобы постигнуть такіе величаво грозные сюжеты, какъ современная война и вооруженная нація, и овладѣть ими.

То, что является развлеченіемъ для простаго читателя, должно быть вопросомъ совѣсти для критика. Критикъ не долженъ упустить ни одной изъ этихъ страницъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ цѣну прелести и правды, онъ долженъ, вооружившись терпѣніемъ топографа начертить общій планъ произведенія и съ буссолью въ рукахъ обойти его малѣйшія детали. Но наша цѣль лишь облегчить пониманіе этого произведенія, поэтому мы пойдемъ кратчайшимъ путемъ. Подобно субаятернъ-офицеру, посланному на развѣдки вѣтъ траншей, мы дадимъ только три эскиза, взятыхъ съ трехъ различныхъ точекъ зрѣнія: въ одномъ мы обрисуемъ идеи Драгомирова относительно

сущности войны и значенія въ ней воен-
ноначальника; въ другомъ мы сдѣлаемъ
попытку уловить его методъ воспитанія
солдата и подготовленія войскъ, и, наконецъ,
слѣдуя постоянному обычаю нашего учи-
теля, мы пояснимъ его доктрину его соб-
ственнымъ примѣромъ: военной операціей
во время перехода русскихъ войскъ черезъ
Дунай въ 1877 году, когда генералъ Дра-
гомировъ стоялъ со своей дивизіей во гла-
вѣ арміи.

I.

Ни одно литературное произведеніе не
производило на читателей столь противо-
рѣчивыхъ впечатлѣній, какъ романъ гр. Тол-
стого «Война и Миръ». Возбужденіе и ра-
зочарованіе (*Emotion et Deception*)—могло
бы быть настоящимъ заглавіемъ этого труда,
такъ какъ авторъ, геніальный въ общей
концепціи романа, тенденціозно заблуждается
въ его выполненіи. Страница за страницей
истина отступаетъ передъ нимъ, подобно
тому, какъ русская армія отступала передъ
Наполеономъ. И вотъ стойкій умъ, неспо-
собный переходить границы здраваго смысла,

высказалъ сужденіе объ этой книгѣ, которое можетъ быть въ то же время и ея комментариемъ. Этотъ умъ—Драгомировъ. Нигдѣ его собственныя мысли о войнѣ не собраны въ такую цѣльную доктрину, какъ именно въ этомъ комментарий.

Это состязаніе въ области мысли между Толстымъ и Драгомировымъ—выдающееся явленіе. Оба офицеры одной и той же арміи; но одинъ дѣлается ея генералиссимусомъ, а другой снимаетъ свои эполеты, удаляется въ пустыню, становится работникомъ-мужикомъ и расходуетъ всѣ свои художественныя силы на оплакиваніе современнаго Вавилона. Кто изъ нихъ принесъ больше пользы человѣчеству? Вопросъ тѣмъ болѣе захватывающій, что противопоставленіе этихъ двухъ характеровъ въ дѣйствительности является противопоставленіемъ двухъ нравственныхъ теорій, между которыми мы должны сдѣлать выборъ. Одна абсолютная, впавшая въ отчаяніе, проповѣдуетъ нирвану человѣческой воли, расстроившуюся въ состраданіи. Но проповѣдуя состраданіе, она безжалостна къ формамъ человѣческой жизни, оставленнымъ намъ нашими предками, враждебна установлені-

ямъ, которыя являются плодомъ тысячелѣтняго опыта; она является такимъ образомъ проповѣдницей насилія во имя «непротивленія злу». Другая—теорія доброжелательства, усилій, труда, солидарности; теорія — примиряющаяся съ многочисленными недостатками существующаго, но наученная историческимъ опытомъ, что единственнымъ средствомъ противъ зла является инициатива избранныхъ натуръ. Она не прибавляетъ къ неизбѣжному злу своего времени элементовъ сомнѣнія и отчаянія; напротивъ она старается побѣдить это зло силою авторитета. И пастолько слабы человѣческія слова, что обѣ эти несовершенство теоріи могутъ быть названы христіанскими. Но дѣло не въ названіи. Вопросъ въ томъ, чтобы опредѣлить, которая изъ теорій дѣйствительно отвѣчаетъ требованіямъ совѣсти. Несомнѣнно, что вопросъ этотъ является жизненнымъ вопросомъ нашего времени, и что наше поколѣніе не можетъ предоставлять будущему заботу объ его разрѣшеніи.

Сужденіе Драгомирова о Толстомъ можетъ быть выражено такъ: Драгомировъ безгранично преклоняется передъ Толстымъ

художникомъ и безпощадно бичуетъ въ немъ теоретика. По его мнѣнію даръ Толстого состоитъ главнымъ образомъ въ глубокой проницательности и въ способности однимъ вѣрнымъ и тѣснымъ взглядомъ охватить и изобразить множество явленій. Это могучая сила творчества, потому что, рождая образы фантазіи, она сохраняетъ во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ полную реальность; она умножаетъ жизнь въ самой жизни и придаетъ произведенію удивительную рельефность и вѣрные краски. Но эта вѣрность чисто художественная и принадлежитъ явленіямъ созданнымъ, а не явленіямъ существующимъ въ дѣйствительности; не соответствуя логической правдѣ, она не удовлетворяетъ и требованіямъ исторіи, для которой нужны отчеты, а не поэмы, точные планы, а не перспектива.

Самое глубокое поэтическое прозрѣніе можетъ служить для очень посредственной теоріи и даже самая широта этого прозрѣнія будетъ слабостью теоріи. Всѣ тѣ явленія, которыя художникъ охватываетъ однимъ взглядомъ и окрашиваетъ въ цвѣтъ своей собственной мысли, окажутся разнородными при точномъ философскомъ изслѣдованіи;

непоследовательность явленій, на которой игралъ его поэтическій вымыселъ, покажется ему новой и болѣзненно отзовется въ его умѣ. Онъ дѣлаетъ поспѣшный выводъ, что нарисованныя сцены совершенно безсвязны и что они ускользаютъ отъ всякаго разумнаго управленія. Но это значитъ остановиться на полудутѣ къ истинѣ; это значило бы отрицать существованіе воды, потому что отъ прикосновенія раскаленнаго желѣза она разлагается на кислородъ и водородъ. Не одинъ изъ самыхъ великихъ талантовъ впадалъ въ эту ошибку, и Драгомировъ исключаетъ изъ ихъ числа только одного Гете.

Вѣрность этихъ положеній обнаружится яснѣе, когда мы обратимся къ вопросамъ, затронутымъ Толстымъ и разобраннымъ гепераломъ Драгомировымъ.

Чтобы обозрѣть твореніе гр. Толстого «Война и Миръ», необходимо прослѣдить характеръ его главнаго героя—князя Андрея, этого тонкаго свидѣтеля событій, исполненнаго грусти, столь свойственной мыслителямъ нашего вѣка. Каждая страница книги свидѣтельствуетъ о томъ, какъ искусно Толстой, прежде нежели

окуну́ться въ почину событій и страстей, избралъ своего героя и приготовилъ его въ качествѣ самаго чувствительнаго реактива той среды, въ которую онъ желаетъ его погрузить. Но не смотря на всю тщательность въ выборѣ характера князя Андрея, Толстой упустилъ изъ виду одну подробность, для него второстепенную, а для насъ очень важную—это военное воспитаніе своего героя. Указаніе комментатора даетъ намъ возможность исправить это упущеніе.

Въ эпоху, когда князь Андрей вступалъ на службу, военныя традиціи, созданныя Румянцевымъ и Суворовымъ и составлявшія исключительно русское достояніе, приходили уже въ упадокъ, и только нѣскольکو старыхъ ветерановъ практиковали ихъ по привычкѣ, не смѣя передать ихъ молодому поколѣнію. Вся армія подчинялась прусской дисциплинѣ. Андрей Болконскій отлично зналъ эти фридриховскіе маневры, состоявшіе въ непрерывномъ движеніи колоннъ на большихъ дистанціяхъ, въ вытягиваніи арміи въ линію и въ сраженіи съ развернутымъ фронтомъ. Образцовая точность, какъ говорятъ—«полная чистота»,

требуется при выполненіи подобныхъ движеній; малѣйшія ошибки, секундное опозданіе полувзвода, шеренга, утратившая прямолинейность приводятъ въ бѣшенство и неистовство командира, грубая власть котораго не сдерживается высшимъ контролемъ. Подобное войско напоминаетъ собой музыкальный ящикъ, а офицеръ служитъ пуговкой, которую надо надавить, чтобы раздалась арія. Ни одна рука не двинется въ этой автоматической шеренгѣ безъ приказанія офицера, командующаго маневрами. Это приказаніе пройдетъ сверху до низу всю іерархическую лѣстницу, пока достигнетъ до низшихъ исполнителей. Для такой чисто звуковой передачи распоряженій не требуется ни энергіи, ни характера, ни внутреннихъ качествъ, составляющихъ достоинство человѣка въ жизни: громкій голосъ, привычка выкрикивать приказанія въ одинъ моментъ съ другими—вотъ что долженъ дѣлать субалтернъ-офицеръ. Система эта могла найти себѣ оправданіе въ устарѣвшей типѣ тактикѣ. Основанная на страхѣ и послушаніи, она могла увеличить военную силу, извлекать изъ посредственныхъ исполнителей болѣе, нежели они могли-бы дать собственными своими

ресурсами. Но для нынѣшняго времени эта система страдаетъ крупнымъ порокомъ, такъ какъ она не соотвѣтствуетъ болѣе условіямъ войны. Надъ этимъ призадумались пруссаки послѣ уроковъ подъ Вальми и Іеной. Эти размышленія, которыя дали дѣтъ чрезъ шестьдесятъ грозные результаты, не успѣли еще въ то время принести плодовъ. Продолжали утверждать, что нужно имѣть охватывающую базу въ 90°; отступать по расходящимся отъ непріятеля дорогамъ, наступать къ нему по сходящимся. Сообразно этимъ правиламъ какой нибудь Фуль думалъ остановить Наполеона. Онъ совѣтывалъ Барклаю де Толли занять фланговое положеніе по направленію къ Вильнѣ. Очень хорошо, отвѣчаетъ Драгомировъ, если Наполеонъ пойдетъ на Вильну; но если онъ пойдетъ на васъ, что вы тогда будете дѣлать?

Пройдя эту педантическую школу и попавъ въ настоящую войну, въ которой люди страдаютъ, живутъ и даже любятъ, кн. Андрей могъ провѣрить на дѣлѣ, одно за другимъ, мнѣнія своихъ учителей и, пользуясь ихъ ошибками, открыть истину. Но несмотря на свое честолюбіе, этотъ мечтз-

тель не видѣлъ ничего дальше своихъ мечтаній, этотъ меланхоликъ зналъ только свои личныя страданія. Разочарованія ряда годовъ привели его къ полному отрицанію, отчаянію и смерти въ то время, когда его испытанія достигли высшаго предѣла въ кампаніяхъ 1809—1812 г.

Онъ слѣдуетъ за Багратіономъ на поле битвы при Голлабрюннѣ и наблюдаетъ съ большимъ интересомъ это блѣдное лицо съ полужакрытыми, сонными глазами, которыя не даютъ возможности разобрать, слѣдитъ-ли генералъ за ходомъ сраженія и думаетъ-ли онъ о чемъ-нибудь. Кн. Андрей сопровождаетъ Багратіона на главные пункты позиціи, на батарею капитана Тушина. Багратіонъ равнодушно выслушиваетъ всѣ донесенія съ такимъ видомъ, какъ бы говоря: «Это то, чего я ожидалъ!» Когда онъ говоритъ, онъ роняетъ слова съ особенною медленностью, какъ будто желая показать, что теперь вовсе не нужно спѣшить. Свистѣющая пуля убила казака и это привело въ смятеніе шеренгу конвоя. Багратіонъ сдвинулъ брови, посмотрѣлъ въ сторону убитаго, затѣмъ равнодушно отвернулся и поправилъ запутавшуюся въ